

Алексей Бушуев

Молодежь и выборы в регионах России: возможна ли смена установок? (на примере Республики Татарстан)

Долгие годы в России идут дискуссии о путях ее дальнейшего развития, о состоянии и перспективах роста существующих социально-политических институтов, о формировании гражданского общества и демократического политического режима. Эти дискуссии во многом были вызваны к жизни начавшимися еще в середине 1980-х гг. прошлого века преобразованиями. Перестройка, начатая М. Горбачевым, привела в движение все советское общество и перевернула привычный мир простого советского гражданина «с ног на голову». Кризис коммунистической идеологии, утрата доверия населения к единственной партии и руководству страны, усугубляемые экономической отсталостью, предопределили крушение этого режима и вызвали к жизни процесс формирования постсоветского политического пространства на территории бывшего Советского Союза, а шире — всего социалистического лагеря.

Одной из важных составляющих формирующихся постсоветских режимов стала новая процедура ротации руководящих кадров на разных уровнях — институт демократических выборов, предусматривающий наличие конкурентной борьбы между кандидатами. Очевидно, не везде и не всегда реальная борьба имела место. Тем не менее очень важно, что населению впервые была дана возможность выбирать, а не голосовать за беспроигрышного кандидата от «блока коммунистов и беспартийных».

С конца XX века Россия прошла достаточно большой путь, на котором ее ждали взлеты и падения, — успехи в демократизации и гласности и провалы в экономике начала 1990-х гг., экономическая стабилизация и усиление роли государства во всех сферах в 2000-е гг. Все эти годы в России не затихали дискуссии о путях и перспективах ее реформирования. Сегодня, когда с начала этих изменений прошло уже более 20 лет, мы уже можем выделить некоторые характеристики этого процесса, оценить его результаты.

В предлагаемой статье мы не сможем охватить всего многообразия общественно-политических трансформаций этих лет, поэтому остановимся

лишь на том, каким путем шла страна все эти годы в области электоральной политики, что делалось для реформирования ее управления, для вовлечения населения в этот процесс. Такой подход позволит в некоторой степени судить об успехах и промахах, нашедших свое отражение в массовом сознании населения регионов, а также в преобладающих императивах электорального поведения.

Основное внимание мы сосредоточим на молодых гражданах Республики Татарстан как одного из очень специфичных и интересных для изучения регионов России. Выбор именно молодежной когорты для анализа электорального сознания и поведения, на наш взгляд, вполне оправдан. Ведь именно молодежь, обеспечивая реализацию функции социального воспроизводства, представляет своего рода «потенциал изменений», и от ее выбора в определенной мере зависит направление общественно-политического развития страны.

Для изучения изменений в электоральном сознании и поведении молодых граждан Татарстана были привлечены не только материалы проводившихся в республике в разные годы социологических исследований, но и официальная электоральная статистика и иные материалы, в том числе хранящиеся в текущих архивах Государственного совета, Центральной избирательной комиссии и Министерства по делам молодежи, спорта и туризма РТ.

Основную часть привлеченных для анализа материалов составили результаты социологического опроса молодежи Республики Татарстан, реализованного автором в январе 2004 г. Цель опроса — выявить и проанализировать особенности политического сознания молодежи и некоторые ее политические ориентиры в период между выборами депутатов Государственной думы и Президента РФ. В качестве метода исследования использовался анкетный выборочный опрос на основе двухступенчатой пропорциональной (квотной) выборки и техники самозаполнения. Объем выборочной совокупности рассчитывался на основе таблицы достаточно больших чисел при вероятности $P = 0,98$ и допустимой средней ошибке $m_{\text{доп}} = 0,05$. Величина выборки — 541 единица наблюдения. Структура выборочной совокупности включала три взаимосвязанных параметра: тип поселения, пол и возраст респондентов. Остальные признаки (национальность, семейное положение, уровень образования, род занятий) формировались на основе стихийного представительства.

Положенная в основу выборки пропорциональная модель, ее реализация на уровне ансамбля в целом, а также в массивах, представляющих городскую и сельскую молодежь, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Модель выборочной совокупности и ее реализация в ходе полевого этапа исследования (%)

	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	Модель	Выборка	Модель	Выборка	Модель	Выборка
Вся молодежь:	100,0	100,0	49,0	48,4	51,0	51,6
16–19 лет	33,3	38,8	50,5	49,5	49,5	50,5
20–24 года	33,9	31,4	47,4	48,2	52,6	51,8
25–29 лет	32,9	29,8	49,0	47,4	51,0	52,6
Городская молодежь:	80,6	77,7	48,2	47,4	51,8	52,6
16–19 лет	33,0	39,2	49,7	49,0	50,3	51,0
20–24 года	34,8	31,7	46,7	46,5	53,3	53,5
25–29 лет	32,2	29,2	48,4	46,2	51,6	53,8
Сельская молодежь:	19,4	22,3	52,0	52,2	48,0	47,8
16–19 лет	34,5	37,4	54,0	51,2	46,0	48,8
20–24 года	30,1	30,4	50,5	54,3	49,5	45,7
25–29 лет	35,4	32,2	51,3	51,4	48,7	48,6

Одним из важных признаков демократического правления является наличие развитой партийной системы, включающей, как правило, несколько или множество партий. Наличие нескольких игроков на политическом поле страны просто необходимо для поддержания конкурентной среды во время демократических выборов. В России в начале 1990-х гг. активно начала развиваться многопартийная система. Этому в немалой степени способствовали не только отмена 6-й статьи Конституции СССР в марте 1990-го, запрет КПСС, но и принятие весной 1995 г. относительно либерального закона «Об общественных объединениях»¹. Федеральный закон «О политических партиях», принятый в июле 2001 г., существенно изменил порядок формирования и функционирования политических партий². Учитывая эти изменения практики партийного строительства в современной России, интересно выявить уровень принятия такого типа политической системы и отношение к партийной системе в молодежной среде.

Опрос молодежи Татарстана показал, что в политическом сознании ценность многопартийности не утвердилась достаточно прочно (см. Таблицу 2), поскольку на приоритетность такой системы для России указали только 17,0 % опрошенных. Двухпартийная система была поддержана почти каждым пятым, а однопартийная — каждым пятнадцатым респондентом. Но абсолютное большинство опрошенной нами молодежи вне зависимости от основных социально-демографических характеристик высказалось за то, что количество партий само по себе не важно, значение имеет лишь их эффективность. Нашлись и такие, кто указал на

то, что партий не должно быть вообще. При этом мужчины в три раза больше поддерживают многопартийность, чем женщины (22,8 и 7,5 % соответственно), тогда как число безразличных к числу партий женщин в 1,6 раза больше, чем число безразличных к этому мужчин (70,0 и 43,5 %). На селе молодежь также проявляет значительно большее безразличие в этом вопросе (66,7 против 54,6 % безразличных в городе), что, как и в случае с половыми различиями в предпочтениях, не вызывает удивления и легко объяснимо.

Таблица 2. Предпочтение партийной системы России в зависимости от оценки пользы партий (в % к числу опрошенных)

	Польза есть	Пользы нет	ИТОГО
Многопартийная	11,4	5,6	17,0
Двух-трехпартийная	11,4	7,0	18,4
Однопартийная	2,0	4,7	6,7
Партий не должно быть вообще	0,8	3,1	3,9
Не важно, сколько партий, главное — эффективность их работы	17,6	36,3	53,9
ВСЕГО	43,2	56,7	99,9

В целом же зафиксированные в ходе опроса предпочтения свидетельствуют, что многопартийность, несмотря на уже более чем 10-летний период ее существования, не является широко усвоенной в молодежной среде ценностью. При дальнейшем анализе становится ясна и причина этого (по крайней мере, одна из наиболее существенных, на наш взгляд). Дело в том, что работа существующих сегодня в России партий не является для населения удовлетворительной. Так, почти каждый второй из опрошенных заявил, что

¹ См.: Закон РФ от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». М., 1995.

² См.: Закон РФ от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях». М., 2003.

не видит никакой пользы от политических партий, тогда как на наличие таковой указали только 31,2 %. Каждый четвертый при этом затруднился ответить на вопрос. Наблюдается связь этого признака с возрастом респондентов и уровнем их образования: с увеличением возраста и повышением уровня образования снижается положительная оценка политических партий (см. Таблицу 3). Очевидно, можно говорить о более высокой критичности в оценках более старших и образованных граждан.

Таблица 3. Оценка пользы политических партий в зависимости от возраста и уровня образования (в % к составу группы)

	Польза есть	Пользы нет	ИТОГО
Возраст:			
16–20 лет	46,6	53,4	100
21–23 года	42,9	57,1	100
24–29 лет	36,5	63,5	100
Образование:			
б/обр., начальн., неполн. ср.	44,1	55,9	100
полн. ср., ср. проф.	43,6	56,4	100
неполн. высш., высш., послевуз.	41,0	59,0	100

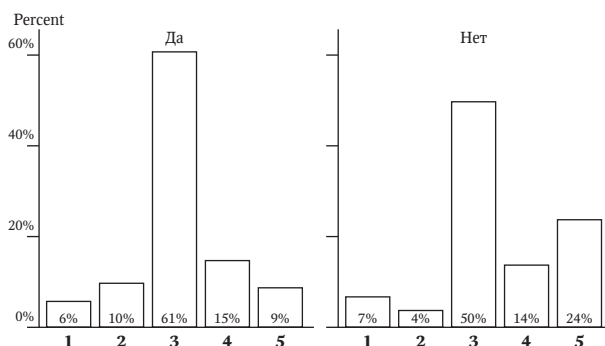
Естественно, в условиях, когда многие существующие партии себя дискредитировали, а остальные остаются малоэффективными, о закреплении ценности многопартийности в политическом сознании населения страны и ее регионов не может быть и речи. Здесь совершенно четко проявляется тенденция прагматизации массового сознания россиян, получившая свое развитие в 90-е гг. XX века и продолжающая оказывать существенное влияние на него и сегодня.

То же самое касается и отношения молодежи к сложившейся в стране избирательной системе, по которой распределение депутатских мандатов происходило ранее поровну между депутатами-

представителями партий и депутатами-одномандатниками (см. Схему 1). Сохранение формулы «225 плюс 225» при распределении депутатских мандатов поддержал только каждый третий из опрошенных. За формирование Государственной думы РФ только или преимущественно по партийным спискам высказались 7,4 %, а за преимущественно мажоритарный принцип распределения мандатов с голосованием за отдельных кандидатов-одномандатников – почти в два раза больше, 16,8 %. При этом очень многие (46,3 %) вообще затруднились ответить на данный вопрос.

Анализ взаимосвязей оценок избирательной системы России с социально-демографическими характеристиками респондентов показал, что какие-либо устойчивые взаимосвязи отсутствуют. Наиболее ощутимая разница в этом отношении была зафиксирована лишь в различных типах поселений. На селе на 4,2 % ниже доля тех, кто выступает за преимущественно партийный принцип формирования нижней палаты российского парламента; на 8,3 % ниже доля тех, кто выступает за равномерное распределение мандатов по формуле «225 плюс 225». Напротив, здесь чаще высказываются за формирование Думы преимущественно из одномандатников. По этому параметру разница между городской и сельской молодежью в общей сложности составляет 12,6 %.

Представляется, что такая особенность характера в той или иной мере для электорального сознания населения разных регионов России, причем независимо от возраста. Учитывая, что такие императивы были зафиксированы в ходе опроса в начале 2004 г., становится понятным, почему российское общество спокойно восприняло последние изменения законодательства о партийном строительстве и выборного законодательства, явно направленные на уменьшение (а фактически ограничение) числа федеральных политических партий в стране, влияющих на развитие политических процессов. При этом часто упускают из виду, что происходит и перераспределение сил в парламенте за счет введения пропорциональной избира-

- 1 – Дума должна формироваться только по партийным спискам.
- 2 – Большинство Думы должно быть избрано по партийным спискам.
- 3 – Дума должна поровну представлять партии и одномандатников.
- 4 – Большинство Думы должно представлять одномандатные округа.
- 5 – Дума должна формироваться только из одномандатников.

Схема 1. Суждения об избирательной системе России в зависимости от мнения о пользе политических партий (в % к числу оценивших пользу партий)

Таблица 4. Оценка молодежью Татарстана важности думских выборов в зависимости от оценки значимости своего участия в них, 2004 г. (в %)*

	Убеждены, что своим участием в выборах могут что-то изменить	Уверены, что лучше голосовать против всех, чтобы их голос не был использован	Убеждены, что их участие в выборах ничего не решает
Выборы очень важны	11,3	2,8	1,6
Выборы важны	69,8	29,6	28,0
Выборы не важны	18,2	47,9	53,8
Выборы совсем не важны	0,6	19,7	16,5

* Относительное распределение рассчитано без учета затруднившихся с ответом на оба или один из данных вопросов. К 100 % приведены ответы 402 респондентов, давших только содержательные ответы.

тельной системы, предполагающей исключительную роль крупных политических партий в этом процессе. В определенной мере такая тенденция может быть опасной для перспектив демократического развития нашей страны, особенно с учетом усиливающейся концентрации властных полномочий в руках одной федеральной партии («Единой России»), пользующейся к тому же сильным административным ресурсом.

Для характеристики электорального сознания очень важна оценка института и процедуры выборов, так как она не только отражает настроения молодых граждан, но и во многом предопределяет их электоральное поведение (участие или неучастие в выборах). В этой связи в ходе опроса молодежи нами был задан ряд вопросов, содержащих различные оценочные характеристики прошедших зимой 2003 г. выборов депутатов Государственной думы.

Ценность демократической процедуры ротации властных полномочий в виде периодически проводимых выборов признается далеко не всеми молодыми гражданами республики. На это есть несколько причин. Первая (и основная) причина — неверие в возможность повлиять на результаты выборов. Недаром Р. Арон отмечает, что **«выборы ничего не знают, если они не несут возможности выбирать»**³. Подобную позицию молодежи Татарстана совершенно явно зафиксировал наш опрос, хотя и ранее исследователями неоднократно указывалось на преобладание такого мнения в разных регионах России. Убеждены, что их выбор ничего не решает, 50,0 % девушек и 42,7 % юношей в возрасте до 30 лет. При этом по мере взросления доля оптимистов снижается: в возрастной группе до 20 лет таких — 42,9 %, в группе 21–23 года — 37,9 %, а в группе 24–29 лет — только 24,1 %. Существенная разница в этом отношении наблюдается между городской и сельской молодежью. Так, если в городе

число оптимистов, считающих, что своим участием в выборах они могут что-то изменить, относится к числу пессимистов, уверенных в том, что выборы — это фарс, как 0,9, то это соотношение на селе составляет 0,4.

Свой интерес к прошедшим выборам отметили 44,9 %, тогда как 49,0 % указали, что выборы им не интересны, а 6,0 % затруднились с ответом. Сходным образом проценты распределились и при оценке важности выборов: 43,3 % — важны, 43,8 % — не важны, 13,0 % — затруднились ответить. Молодые избиратели склонны больше интересоваться и придавать значение этой процедуре, чем старшие возрастные группы. Но при оценке важности более высокие показатели зафиксированы в группе с более высоким уровнем образования. Таким образом, с одной стороны, более молодые, видимо, еще не разуверились в легитимности процедуры выборов. С другой стороны, люди более образованные в большей мере осознают важность этой процедуры. Причина же в целом скорее отрицательной оценки выборов становится ясна при сопоставлении оценок важности выборов с оценками значимости собственного участия в них (см. Таблицу 4).

Как видим, преобладающей в электоральном сознании молодежи Татарстана является установка: «выборы не важны и мое участие в них ничего не решает». Такой позиции придерживается более двух третей татарстанской молодежи, что свидетельствует о достаточной серьезности положения. При таких оценках не удивляет отказ молодых граждан от участия в выборах в качестве избирателей.

Оказывает влияние и оценка молодежью характера выборов, представленная в Таблице 5. Эта оценка по разным показателям (честность, справедливость и т. п.) выглядит весьма удручающе. При условии что институт выборов в современном виде существует уже достаточно длительное время, такие оценки свидетельствуют о тяжелом положении дел в этой области. Региональная молодежь

³ Арон Р. Эссе о свободах. М.: Праксис, 2005. С. 101.

Таблица 5. Оценка молодежью Татарстана характера выборов депутатов Государственной думы ФС РФ, 2003 г. (в % к числу опрошенных)

	Да	Нет	Затруднились ответить
Выборы справедливые (т. е. подтвердили соответствие между заслугами кандидатов и их признанием в виде поданных за них голосов)	34,5	31,2	34,3
Выборы свободные (т. е. каждый гражданин решал сам, голосовать или нет, за кого голосовать)	45,3	26,2	28,5
Выборы состязательные (т. е. разным кандидатам были предоставлены равные возможности)	32,9	30,0	37,0
Выборы честные (т. е. подсчет результатов голосования был осуществлен правильно)	27,9	21,3	50,6
Выборы хорошо организованные (т. е. не было сбоев в работе избирательных комиссий)	45,9	12,0	42,1
Выборы расточительные (т. е. на выборы государство истратило слишком много средств)	43,0	13,6	43,4

скорее склонна доверять деятельности отдельных органов власти, чем институту демократических выборов. Разумеется, это имеет отношение не только к характеристике электорального сознания молодежи, но и к реальному положению вещей в современной российской повседневности.

Учитывая вышеозначенные обстоятельства и особенности массового молодежного политического сознания, для нас интересно зафиксировать наличие (или отсутствие) тех или иных политических потребностей. Именно это и будет определяющим фактором при анализе их участия (не участия) в политических мероприятиях, акциях, включая участие (или отказ от него) в выборах в представительные органы власти на любом уровне. При отсутствии потребностей в политическом участии граждане не будут участвовать в политической жизни общества ни на региональном, ни тем более на общегосударственном уровне.

Для начала рассмотрим наличие потребности в получении политической информации, что тесно связано с самим фактом интереса к политике. Данные, полученные на основе нашего опроса, свидетельствуют, что перед выборами депутатов Государственной думы РФ смотрели телепередачи о выборах 62,6 % молодых граждан, читали в газетах материалы или статьи о выборах — 49,6 %. Эти показатели достаточно высоки. Казалось бы, они должны повысить общую положительную оценку изменений электорального сознания россиян. Но мы понимаем, что в ответах респондентов мог отразиться эффект социальной желательности. Кроме того, определенная часть просмотренных материалов о выборах, очевидно, попала в поле зрения граждан случайно и неосознанно. К тому

же эти показатели явно ниже общего числа интересующихся политикой молодых людей (85,4 %). Таким образом, мы можем заключить (хотя и в самом общем виде), что значительной потребности в получении политической информации молодежь не испытывает, если даже в период наибольшей политической активности (период выборов) каждый третий не смотрит передач о выборах и почти каждый второй не читает таких материалов в прессе. Более молодые смотрят передачи о выборах и политике чаще, более образованные чаще читают об этом в газетах. В остальном сколько-нибудь устойчивых связей с другими социальными показателями не прослеживается.

Потребность в получении политической информации, что вполне естественно, активнее проявляется у тех, кто постоянно интересуется политикой. 71 % из тех, кто постоянно интересуется политикой, читал газеты о политике накануне выборов, 48 % — из тех, кто иногда интересуется политикой, и только 16 % тех, кто вовсе не интересуется ей.

Все-таки важнейшей политической потребностью является потребность участвовать в общественно-политической жизни государства. В этой связи интересна динамика участия молодежи республики в различных формах такой активности, представленная в Таблице 6. Хотя в целом уровень такой активности у молодежи возрастает примерно на 10 % по сравнению с уровнем активности старших возрастных когорт, следует отметить ее незначительный уровень. Действительно, при ответе можно было отметить неограниченное число форм общественной активности, но при этом превышение числа ответов над числом респондентов

Таблица 6. Участие молодежи Татарстана в различных формах общественно-политической активности в 1995 и 2004 гг. (в % к числу опрошенных)*

	1995	2004
Участвовали в выборах, предвыборных кампаниях	30,6	45,5
Принимали участие в акциях неформальных движений и организаций	1,3	1,2
Участвовали в митингах, демонстрациях	1,8	2,3
Направляли письма, обращения в органы власти, СМИ	0,7	1,2
Участвовали в выборах руководителей по месту работы, учебы	5,8	4,3
Участвовали в обсуждении законопроектов, опросах общественного мнения	1,1	2,3
Другое	0,0	1,0
Не занимались такой деятельностью	58,8	48,4
ИТОГО	100,0	106,2

* Составлено по: Политическая социализация молодежи РТ (некоторые аспекты проблемы) / Под ред. М.М. Бариева. Казань, 1995. С. 39; Таблицы распределения ответов по результатам республиканского опроса молодежи 2004 г. Л. 327 // Личный архив автора.

составило менее 10 %. Таким образом, молодежь в незначительной мере испытывает потребность в политическом участии. Единственной сколько-нибудь проявившей себя тенденцией явилась прямая взаимосвязь между уровнем социально-политической активности и уровнем образования: чем выше образование, тем выше всякого рода активность.

Таким образом, молодые граждане практически не используют даже вполне легальные каналы воздействия на власть вроде обращений в органы власти. Хотя достоверно вычислить объем именно молодежных обращений (ввиду отсутствия их специального учета) невозможно, из имеющихся в наличии материалов по обращениям граждан в Государственный совет РТ ясно, что число обращений молодежи незначительно. Это — устойчивая тенденция, наблюдавшаяся как в начале и середине 1990-х гг., так и в начале XXI века⁴.

Как видим, наибольшее число молодежи принимает участие в такой форме политической активности, как выборы. Вообще отношение молодежи к выборам, участие в них является своеобразным барометром состояния и перспектив развития демократических институтов в обществе, отражает как уровень ее гражданской ответственности, зрелости, так и меру политической стабильности власти, легитимности ее институтов. На Схеме 2 представлена динамика изменения электоральной активности татарстанцев на выборах в разные органы власти, полученная из официальных отчетов избирательных комис-

сий. На этой же схеме представлены оценочные данные об участии молодежи в некоторых выборах, полученные в ходе опросов общественного мнения. Данные 1991 и 1995 гг. относятся к студенческой молодежи. Данные за 2000 и 2003 гг. охватывают всю молодежь республики в целом. Использование этих приблизительных данных для оценки участия молодежи в выборах, на наш взгляд, допустимо на следующих основаниях. Во-первых, точный учет количества проголосовавшей молодежи избирательными комиссиями специально не ведется. Во-вторых, ввиду недоступности для анализа списков избирателей провести такой анализ самостоятельно хотя бы по отдельным участкам или избирательным округам не представляется возможным. В-третьих, общие тенденции изменения степени участия молодежи в выборах, вероятно, соответствуют общим тенденциям участия всего населения в выборах.

Начало 1990-х гг. характеризуется в целом высоким уровнем участия населения в выборах. Это не является специфической татарстанской особенностью, а было характерно для населения всей России⁵. Постепенно, как видим, уровень участия повышался.

На изменение уровня электоральной активности молодых граждан в регионах России (в том числе молодежи Татарстана) оказывали влияние многие факторы. Но с точки зрения тенденций развития электорального сознания, на наш взгляд, целесообразно выделить следующее. Первым до-

⁴ ТА ГС РТ. Ф. Р-6004. Оп. 1. Д. 366. Л. 1–5; Д. 511. Л. 1; Д. 913. Л. 1.

⁵ Электоральное поведение граждан Российской Федерации в 1989–2002 гг. // Журнал о выборах. 2002. № 4. С. 9.

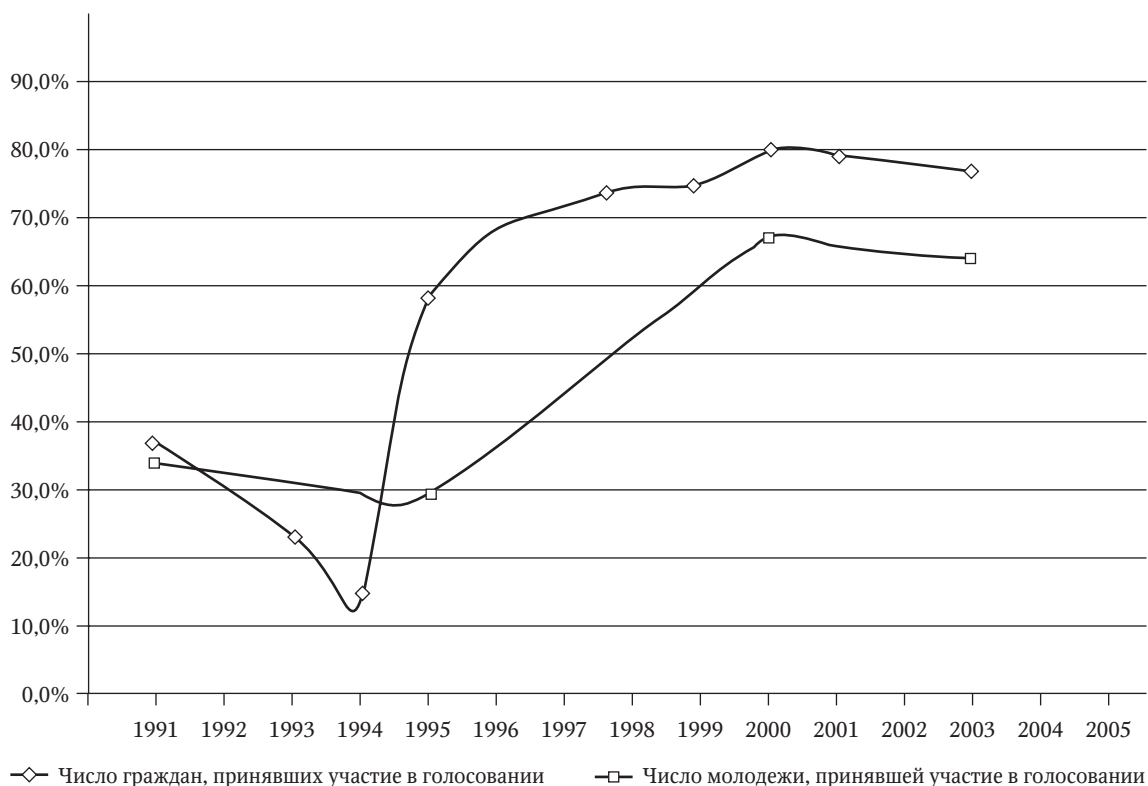

Схема 2. Электоральная активность граждан и молодежи Республики Татарстан в 1991–2004 гг.*

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-2307. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 1; Д. 10. Л. 6; Д. 37. Л. 1–2; Ф. Р-2308. Оп. 1. Д. 63. Л. 1; Выборы глав исполнительной власти субъектов РФ. 1995–1997. Электоральная статистика. М., 1997. С. 89; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 2003. Электоральная статистика. М., 2004. С. 34; Что хотел бы знать избиратель Татарстана о выборах (но не знает где спросить). Казань, 2002. С. 156; Избиратель Татарстана. 2001. Специальный выпуск. С. 3; Несмелова М.Ю. Политическое поведение студенческой молодежи в современной России: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Казань, 1995. С. 81; Аleshina Е.А., Ахмина Г.А., Бобченко Т.С. Правовое сознание студенческой молодежи: по материалам социологического исследования. Казань, 1995. С. 15; Электоральное поведение молодежи РТ накануне выборов Президента РФ: отчет по результатам социального исследования. Казань, 2000. С. 15 // ТА МДМСТ РТ; Таблицы распределения ответов по результатам республиканского опроса молодежи 2004 г. Л. 640 // Личный архив автора.

статочно четко проявившим себя фактором явились социальные установки. Дело в том, что установка на обязательность участия в выборах, характерная для советского времени, в умах молодежи начала 90-х гг. уже отсутствовала, тогда как взамен ее не укрепилось достаточно четких понятий. Лишь постепенно население страны привыкало к «новым» по типу выборов и вновь формировало установки на участие в таких выборах.

Стабильность (нестабильность) социально-экономического и политического поля в стране и в регионе постоянно оказывают существенное воздействие на электоральную активность граждан. В период всеобщей неразберихи и экономического кризиса начала 90-х гг. население (в том числе и молодое) отказывалось участвовать в выборах из-за этой неразберихи, зачастую не понимая, что происходит вокруг, или попросту предпочитая решать собственные каждодневные, а не общие политические проблемы. Именно в этот период молодежью была проявлена наибольшая полити-

ческая пассивность, самоустранение от участия в выборах (абсентеизм) и т. п. Лишь с наступлением постепенной стабилизации, когда стали прорисовываться более или менее ощутимые контуры будущего, население активнее стало участвовать в выборах. Это вполне объяснимо хотя бы с той точки зрения, что участие в выборах является разновидностью конвенционального политического участия, которое, по сути, предусматривает либо незримую поддержку власти уже самим фактом такого участия, либо, по крайней мере, признание такого способа ротации власти.

Таким образом, к началу XXI века бесспорным фактом является рост электоральной активности молодых граждан Татарстана, как и всего населения республики. Безусловно, это был трудный путь, включавший высокую степень абсентеизма начала 90-х гг., постепенный рост активности во второй половине 90-х гг. XX века и широкое вовлечение граждан в избирательный процесс на рубеже XX–XXI веков.

Но при анализе динамики электорального поведения молодых граждан возникает несколько проблем. Одна из них уже упоминалась выше. Это отсутствие статистического учета голосования данной категории населения. Поэтому приходится пользоваться социологическими данными. Но здесь сразу же актуализируется проблема несоответствия нормативной электоральной активности молодых избирателей и их реального участия в выборах. Индикатором нормативной электоральной активности как раз служит уровень готовности голосовать на выборах. Реальные же показатели участия молодых граждан в разных выборах оказывается намного ниже ожидаемых показателей⁶. Поэтому и оценка степени участия молодежи в выборах должна быть более взвешенной. Но еще раз подчеркиваю, сколько-нибудь достоверных сведений на этот счет нет. Неясно и то, как рассчитываются данные, которые официально даются Центральной избирательной комиссией. Так, например, по данным ЦИК РФ, 28 % молодых избирателей приняли участие в выборах Президента РФ в 2004 г., но способ получения этой информации не вполне понятен.⁷

Второй серьезной проблемой при попытке понять, насколько рост электоральной активности молодых граждан конца XX—начала XXI веков соотносится с императивами их электорального сознания и какова степень самостоятельности принятия ими решения об участии в выборах, является проблема использования административных рычагов для стимулирования явки избирателей. Наличие этой проблемы, на которую в своем особом мнении от 8 декабря 2007 г. указал и член ЦИК РФ Е. Колюшин⁸, не позволяет в полной мере оценить реальную динамику электоральной активности граждан.

В этих условиях характеризовать степень вовлеченности молодежи в избирательный процесс позволяет в некоторой степени отношение граждан к собственному участию в выборах, его важности, значимости. Ведь ни для кого не секрет, что многие из тех молодых людей, которые не уча-

ствуют в выборах, мотивируют свой абсентеизм тем, что «их участие ничего не решает».

По данным опроса 2004 г., убеждены, что своим участием в выборах могут что-то изменить к лучшему, только 32,6 % опрошенных молодых людей (чаще мужчины, более молодые, жители крупных городов). При этом убеждены в обратном 42,4 % респондентов. Еще 16,1 % предпочитали проголосовать против всех, а почти каждый десятый затруднился ответить на этот вопрос. Таким образом, большинство молодежи до сих пор (несмотря на достаточно длительное существование института выборов) не доверяют такой процедуре отбора властвующей элиты. Поэтому естествен низкий процент участия молодежи в выборах: нет доверия существующей власти, процедурам ее отбора, нет политических сил, которые бы специально представляли интересы молодежи, и в конце концов молодежь занята своими делами и проблемами, политика ее не интересует и т. д.

При этом 65,7 % молодых людей считают своим гражданским долгом принимать участие в выборах в качестве избирателей (скорее, женщины, более молодые, более образованные, жители села). Но только 28 % из тех, кто указал, что выборы — это их гражданский долг, проголосовали на выборах депутатов Государственной думы ФС РФ зимой 2003 г. Реально голосуют более старшие возрастные группы и более образованные, тогда как в остальных группах более высокий процент нереализованных деклараций.

Таким образом, налицо своеобразный конфликт между неким идеальным образом, сложившимся в умах молодых избирателей, и их реальным политическим поведением. Этот идеальный мир предъявляет человеку высокие требования гражданственности, ответственности и активной жизненной позиции. Но параллельно с ним существует мир реальный, поведение в котором определяется интересами и ситуацией, в которой находится молодой человек. То есть существует явная противоречивость электорального сознания. Императивы, живущие в сознании, зачастую не реализуются в действии.

В современном демократическом государстве участие в выборах является не единственным каналом политического участия. В этой связи интересно, как оценивает сама молодежь желание участвовать в общественно-политической жизни страны, республики и как его реализует на практике. Тем более что самыми действенными способами воздействия на политику современная молодежь считает избрание в органы власти (43,5 %), участие в выборах, предвыборных кампаниях (16,1 %), членство в политической партии (11,4 %). Правда, 22,0 % таких способов не видят вообще.

На основе имеющихся материалов можно отметить, что произошел некоторый рост желания

⁶ Амелин В.Ф., Веденеев Ю.А., Федоркин Н.С. Факторы электоральной активности молодежи // Журнал о выборах. 2003. № 1. С. 3.

⁷ Эстафета политической и социальной конструктивности: опыт взаимодействия избирательных комиссий субъектов РФ с молодежными парламентскими структурами. М., 2005. С. 173.

⁸ См.: Особое мнение члена ЦИК РФ Колюшина Е.И. о Протоколе ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ (подписан 8 декабря 2007 г., к Протоколу прилагается Сводная таблица ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы) от 8 декабря 2007 г. URL: http://www.cikrf.ru/elect_duma/results/mnenie.pdf

участвовать в политической жизни общества в последние годы в сравнении с серединой 1990-х гг. Если в 1995 г. высказало подобное желание только 13 % респондентов, то в 2004 г. таких оказалось 39 % (11,4 % — хотят участвовать, 27,5 % — хотят участвовать, но несколько позже)⁹. Чаше подобным желанием, как и интересом к политике вообще, обладают более молодые, более образованные, жители городов. Вполне естественно, что доля желающих участвовать в политике существенно выше среди тех, кто постоянно интересуется политикой (74 %), чем среди тех, кто интересуется ею иногда (35 %). Но при этом только 11 человек из всех опрошенных (2,1 %) заявили, что выдвигали свою кандидатуру (из них двое в учебном заведении, трое — на местном уровне, один на республиканском, остальные не указали уровень).

Говоря об электоральном сознании и поведении молодежи Татарстана, нельзя не сказать и о некоторых особенностях ее политической идентификации, т. е. причислении себя к определенной группе, цели и интересы которой воспринимаются как собственные.

Рассмотрим уровень знакомства с политическими программами различных партий, кандидатов. 38,8 % в ходе опроса указали на то, что знакомы с программами баллотирующихся на выборах депутатов Государственной думы РФ 2003 г., причем уровень знакомства с ними в различных группах молодежи примерно одинаков. Лишь уровень образования респондентов явился дифференцирующим фактором, поскольку знакомство с программами кандидатов в группе с более высоким уровнем образования в два раза превышает этот уровень в наименее образованной группе. Почти половина из тех, кто указал на знание тех или иных положений предвыборных программ кандидатов, согласна с их программами¹⁰. С повышением уровня образованности снижается число несогласных с программами и число затруднившихся с ответом. Тем самым создаются положительные предпосылки для возможности самоидентификации молодежи, ее принципиального согласия вообще себя как-то идентифицировать в политике.

В этих условиях голосование за конкретные политические силы на выборах предстает как возможность проявить на практике свою идентификацию, отдав свой голос за симпатичного кандидата или партию. Следует отметить, что в целом, с некоторыми незначительными отклонени-

ями, относительное число молодых сторонников различных политических сил соответствует электоральному настроению всего населения Татарстана. Так, за СПС на выборах 2003 г. проголосовали 1,6 % избирателей Татарстана (по данным Центризбиркома республики) и 1,8 % молодежи Татарстана (по данным нашего опроса), за «Яблоко» — 2,4 и 3,9 %, за блок «Родина» — 3,7 и 3,9 %, за ЛДПР — 6,0 и 5,5 % соответственно¹¹. Действительно ощутимые отличия были зафиксированы в голосовании за «Единую Россию», КПРФ и против всех зарегистрированных списков кандидатов.

За «Единую Россию» проголосовали 59,5 % населения Татарстана, тогда как только 25,2 % молодежи указали на это, а за КПРФ соответственно 8,9 и 0,6 %. Отчасти такая разница может быть объяснена тем, что 39,7 % из тех опрошенных молодых людей, кто пришел на эти выборы, не указали, за кого они проголосовали. Существенно более высок и уровень протестного голосования в молодежной среде (4,4 и 12,1 % соответственно), что, на наш взгляд, отчасти объясняется такой особенностью молодежного сознания, как повышенная степень критицизма.

Подытоживая рассмотрение электорального сознания и поведения молодых граждан одного из российских регионов — Республики Татарстан, необходимо отметить, что имеющиеся положительные моменты в тенденциях развития нивелируются по ряду оснований. Так, если демократия с характерными для нее гражданскими свободами является наиболее поддерживаемой формой общественного развития, то укрепления в сознании граждан ценности многопартийности так и не произошло, несмотря на достаточно длительный период функционирования такого типа партийной системы в стране. Это, безусловно, отражает реальное положение дел в общественно-политическом развитии страны и ее регионов в последние годы, те противоречия и проблемы, которые имеются в этой сфере. Действующие в стране партии во многом не удовлетворяют население своей работой, поэтому граждане легко соглашались на перераспределение властных полномочий путем сокращения числа реальных политических игроков и введения пропорциональной избирательной системы.

Не является достаточно крепко усвоенным императивом в электоральном сознании и необходимость участия в голосовании. Это связано с не-

⁹ Политическая социализация молодежи РТ (некоторые аспекты проблемы). Казань, 1995. С. 38; Таблицы распределения ответов по результатам республиканского опроса молодежи 2004 г. Л. 939 // Личный архив автора.

¹⁰ Там же. Л. 585.

¹¹ Сводная таблица итогов голосования по пропорциональной системе выборов на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ четвертого созыва // ТА ЦИК РТ; Таблицы распределения ответов по результатам республиканского опроса молодежи 2004 г. Л. 652 // Личный архив автора.

рием молодых граждан в возможность повлиять на результаты выборов путем собственного волеизъявления на избирательных участках. «Выборы не важны, и мое участие в них ничего не решает» — такой позиции придерживается большинство татарстанской молодежи. Поэтому и ценность демократической ротации власти путем выборов признается не всеми.

Произошедший в последнее десятилетие рост электоральной активности граждан (в том числе и молодых) по сравнению с девяностыми годами может порадовать, так как население региона стало все более активно использовать свое конституционное право на участие в выборах. Но при этом понятно, что определенное число при-

шедших на выборы граждан сделали это не вполне добровольно. В условиях, когда действующие политические институты не вполне эффективны с точки зрения обеспечения избирательных прав граждан, когда реальный выбор избирателя ограничен, когда он видит, что его голос нужен просто для того, чтобы подтвердить полномочия уже находящихся у власти лиц, говорить об усвоении и тем более реализации демократических императивов весьма не просто. Отсюда и противоречивость сознания и поведения, и политическое безразличие, абсентеизм и отчуждение, являющиеся следствием бессилия граждан, отсутствия у них реальных рычагов влияния на власть и демократического диалога с ней.